

Вадим Медведев.
Фото Бориса Кауфмана (НГ-фото)

11.12.99.

В папках с записками о прошлой своей работе в аппарате ЦК КПСС у меня давно лежат рассказы об эпизодах тогдашней жизни, связанных с судьбою отдельных книг или их авторов. Предлагаемые к публикации истории разворачивались с моим непосредственным участием, и они изложены так, как их сохранили память и записи в рабочих тетрадях. Упоминаемые мною уважаемые люди скорее всего тоже хранят память на этот счет. Хотя каждый видит события со своего угла и дает им собственную интерпретацию.

Валентин Александров

БОРЬБА вокруг Александра Солженицына в 1987–1988 годах приобретала все большую остроту. Не только диссиденты, но и не связанная с ними общественность добивались отмены решения о высылке его из СССР. Даже в писательской среде, отличавшейся общим конформизмом, утверждалось признание творчества писателя в ряду высочайших культурных ценностей страны.

В то же время усиливалось и противостояние двух линий в руководстве КПСС – обновленцев, возглавляемых Александром Яковлевым, и консерваторов во главе с Егором Лигачевым. Генеральный секретарь ЦК партии Михаил Горбачев осенью 1988 года попытался разрешить это противоречие формальным отстранением того и другого от руководства идеологией. Одного поставил на курирование международных связей, другого – сельского хозяйства. Руководителем идеологического направления был назначен секретарь ЦК, занимавшийся до того отношениями с социалистическими странами, Вадим Медведев, поднятый на уровень члена политбюро.

Моя работа с Медведевым в качестве помощника секретаря ЦК завершилась. Я остался в международном отделе. Но временно новый руководитель идеологии предложил поработать с ним, пока он разберется с кадрами. Вскоре мне пришлося стать очевидцем очередного раунда страстей, связанных с именем Солженицына.

ТРУППУ НАНИМАЕТ ДИРЕКТОР

Горбачев распорядился, Медведев озвучил...

НЕ ВЕДАЛИ, КОГДА ЗАПРЕЩАЛИ, НЕ ЗНАЛИ, КОГДА МИЛОВАЛИ

Из своего убежища в американском штате Вермонт Солженицын периодически делал резкие выпады против различных проявлений советской политики. После одного из таких выступлений, которое вызвало отрицательную реакцию официальной Москвы, разговор Медведева со мной от политической стороны в деятельности писателя перешел к его художественному творчеству. Наши оценки оказались прямо противоположными.

Когда я сослался на конкретные достоинства таких романов, как «Раковый корпус», «В круге первого», небольших рассказов Солженицына, Медведев неожиданно признал, что ничего, кроме опубликованного у нас в печати, не читал. Тут же он спросил, каким образом мне удалось найти эти запрещенные в СССР книги. Я ответил, как оно было на самом деле: давали читать товарищи по работе, в том числе коллеги из международного отдела ЦК, которые привозили запретную литературу тайно из-за рубежа. Сказал также, что готов буду при случае поделиться найденным с Медведевым. На том наш разговор окончился.

Стоит отметить, что Медведев обычно не говорил открытым текстом о заданиях, которые он получал от Горбачева. Но когда, например, отдавал поручения мне, всегда можно было высчитать, от кого они идут – от самого Медведева или выше – от генерального секретаря ЦК КПСС.

Через несколько дней после нашего разговора о Солженицине, но без прямой связи с ним Медведев сказал, когда мы были с ним наедине: рано или поздно Солженицыну необходимо будет принимать решение. И, конечно, кроме политики, должно быть и понимание художественного значения его произведений. Но оказалось, что никто его книги не читал. Когда Михаил Сергеевич стал секретарем ЦК, они были уже под запретом. И также обстояло дело с другими членами руководства. В общем отделе ЦК какие-то книги нашли. Кое-что было и в КГБ. Условились с

Крючковым, что он мне пришлет. Соберем все и посмотрим. Надо будет составить представление о них.

И неясно было, кому нужно это «представление» – то ли Медведеву, то ли Горбачеву. Но если были подключены общий отдел и КГБ, скорее всего, речь шла о всем политбюро.

На следующий день действительно доставили по стопке книг из общего отдела ЦК и из КГБ. Некоторые книги были не типографские, а ксерокопии с типографских. Значит, они были либо изъяты у кого-то, либо тайно скопированы. Опять получалось, что запрещали, изымали, уничтожали, даже не зная, о чем идет речь. Полного собрания сочинений Солженицына сложить не удалось. Из «Красного колеса», в частности, была только первая книга. Зато была такая редкость, как «Пир победителей», а главное – «Архипелаг ГУЛАГ». Обращаться за недостающими книгами к частным лицам, не дай Бог, еще связанным с оппозицией, конечно, никому и в голову не могло прийти.

Появился и третий участник того, что Медведев называл «составить представление». Это был В.К. Егоров, в ту пору заместитель заведующего отделом культуры ЦК КПСС, с которым у нас полностью сходились взгляды на Солженицына. Как оказалось, мы и читали примерно схожий состав книг. Видимо, наши собственные знания произведений писателя, обосновывавшие правомерность неказанного подхода к ним, и

моих руках пьеса в стихах была напечатана на машинке. Это был экземпляр, по которому на взлете славы Солженицына в хрущевские времена шла подготовка к постановке спектакля в одном из московских театров. Потом репетиции были свернуты. Машинописный экземпляр пьесы, видимо, изъяли то ли идеологические службы, то ли цензура, и после многих лет заточения в чьем-то сейфе он оказался на короткий срок передо мной. Когда я читал пьесу, то ловил себя на совпадении с чем-то знакомым мне. Но только чуть позже понял, что близкую ситуацию в поверженной Германии на последнем вздохе войны положил потом Юрий Бондарев в основу своего романа «Берег».

Копии того, что я передал Медведеву в порядке «составления представления», сохранились у меня. Читая их сейчас, не вижу причин для стыда по поводу написанного. Но думаю, что надо было найти больше убедительных и допустимых слов в пользу реабилитации этих произведений, как и всех бесценных для русской литературы сочинений Солженицына. Что же касается политической судьбы писателя, то ясно было: она выходила за пределы того, к чему мы были привлечены, и ни одно слово на этот счет не было бы принято как не отвечающее характеру данного нам задания.

С Егоровым мы своими текстами не обменивались, для этого просто не было времени. Но по кратким характеристикам прочи-

КПСС такое право журнал получил осенью 1988 года с условием публикации в следующем году.

Основываясь на этом, редакция «Нового мира» в качестве анонса опубликовала список намеченных к печати произведений находившегося в изгнании писателя. Анонс был помещен на тыльной стороне обложки, то есть на самом заметном и выигрышном для рекламы месте. Замысел редакции внешне состоял в придании дополнительной привлекательности журналу и в увеличении подписки на предстоящий год. Но вместе с тем этот шаг можно было понять и как попытку создать такое общественное мнение, при котором ни цензура, ни идеологи из ЦК КПСС не могли бы отступить от предварительного согласия на публикацию сочинений Солженицына.

Именно так, видимо, Горбачеву и преподнесли появление анонса в сигнальном номере «Нового мира», который поступил в его аппарат до выхода основного тиража. Тотчас же было дано поручение заведующему отделом культуры ЦК КПСС Юрию Воронову потребовать от журнала замены обложки, чтобы не было никакого упоминания Солженицына.

Можно представить переживания Воронова, хорошего поэта и демократично настроенного политика, когда он получил это предписание генерального секретаря ЦК КПСС. Но куда в более сложном положении оказывался главный редактор «Нового мира» Сергей Залыгин, обретший к тому времени авторитет одного из ведущих писателей страны и положение фаворита руководства КПСС в его движении к гласности. Залыгин не принял требования, переданного Вороновым. Он сослался на то, что тираж уже полностью отпечатан и для замены вручную одной обложки на другую потребуются огромные деньги. Такие траты он не мог опровергнуть устным требованием заведующего отделом культуры ЦК КПСС. Если руководство КПСС настаивает на замене обложки, то пусть будет принято и прислано в редакцию официальное решение на этот счет.

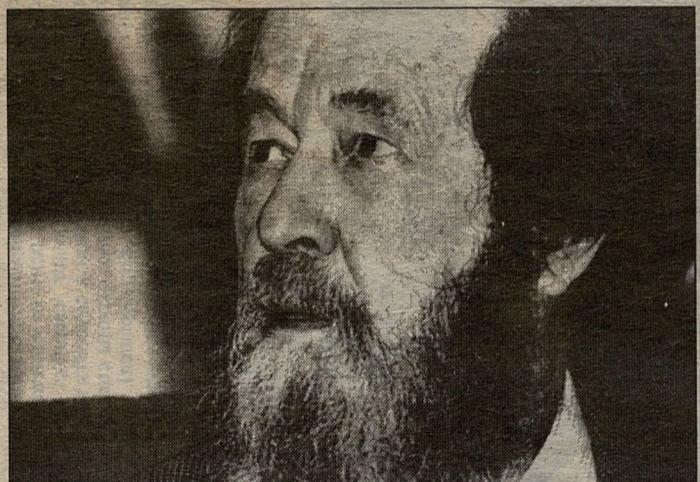
Понятно, что в условиях начавшихся разговоров о гласности такое цензорское решение, да еще зафиксированное на бумаге, никто не мог бы себе позволить. Но «телефонное право» имело свои градации, и то, что можно было отвергнуть при разговоре на одном уровне, оказывалось действенным на другом.

Следующим выразителем высшей воли стал Медведев, устную речь которого, конечно, нельзя было подшить к делу и представить в оправдание расходов финансовым органам. Зато она служила стопроцентным подтверждением того, что запрет на публикацию идет не от чиновников партийного аппарата, а от самого политического верха страны.

Неудобная Горбачеву обложка была содрана со всего многостороннего в ту пору тиража «Нового мира». Упоминание о Солженицыне как писателе, с которым можно будет ознакомиться советским читателям, было отодвинуто на какой-то срок. Но ядовитые слухи о разговоре Медведева с Залыгиным поползли по Москве.

Если Медведев на первом и совершенно негласном этапе уяснял руководство КПСС масштабности писателя Солженицына сыграл положительную роль, то порученная ему функция цензора прочно закрепила за ним репутацию консерватора. Тем более что мышиная возня с уничтожением неугодной обложки лишь ненадолго задержала издание произведений писателя, возвращение которого читателям стало ассоциироваться с курсом Горбачева на широкую гласность.

В политическом театре бывает, как на манеже: акробат закручивает свое тело в узлы, ходит на голове; а потом выходит директор цирка с вознесенным куполом руками, и ему достаются аплодисменты. Впрочем, может быть, и в этом выражается справедливость: ведь труппу нанимает директор!

Александр Солженицын.
Фото Фреда Гринберга (НГ-фото)

предопределили выбор Медведевым участников несколько необычного занятия. Секретарю ЦК не составило бы труда найти себе в компании тех, кто был по убеждению или в силу господства конформизма противником творчества Солженицына, таких было большинство в аппарате ЦК КПСС, но он предпочел представителей иных взглядов, что не могло не отражать какой-то заданности выводов.

В нашем распоряжении, – сказал Медведев, собрав нас вместе, – очень короткий срок – два дня. Надо все, что нами найдено, прочесть и составить по каждой книге краткую записку – на две-три страницы. Но чтобы ясны были содержание, достоинства, направленность – словом, все качества книги. Я назову «Архипелаг». Это – самая весомая в политическом плане вещь.

Какие книги получил Егоров, не помню. Но мне достались «Август 1914» и «Пир победителей». Первая из этих двух книг была типографского издания. Я хорошо помнил ее по первому «незаконному» прочтению и на этот раз только восстановил в памяти волшебные картины мирной жизни в южном крае России и превратность военной судьбы главного героя.

«Пир победителей» для меня был полной неожиданностью. Начать с того, что оказавшаяся в